

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ

ОТ МОДЕЛИ КОНФЛИКТА ЭЛИТ К МОДЕЛИ КОНФЛИКТА ГРУПП ИНТЕРЕСОВ: К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ СУБЪЕКТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Л.И. Никовская
(Россия, г. Москва)

Аннотация. Рассмотрены проблемы различных моделей конфликтов, существующих в настоящее время в политической науке. Освящена проблема формирования и развития групп интересов. Сделан вывод о необходимости диалогового состояния в отношениях элит между собой и с гражданским обществом, особенно в условиях глобализации.

Annotation. The article discusses various models of conflict existing in the political science nowadays. The author considers the problem of shaping and developing of interest groups. The author comes to the conclusion that elite groups and civil society ought to build up a dialogue, especially so as modern society faces globalization.

Ключевые слова: элита, конфликты, группы интересов, общественные изменения, глобализация.

Key words: elite, conflicts, interest groups, society changes, globalization.

Тот вариант стабильности и порядка, который в начале нынешнего десятилетия отвел Россию от края пропасти и минимизировал угрозы безопасности государства и общества, сегодня показал невысокий запас прочности. Серьезный кризис не просто дает шанс новому или ранее маргинальному. Устойчивый выход из него возможен только усилиями тех субъектов, которые формируют существо нового этапа. Но заранее сказать, какие это будут субъекты, невозможно. Именно поэтому необходимо дать равные возможности для более широкого круга сторон, чтобы быстрее произошел поиск и переход от спада к оживлению. В условиях хаотизации никто точно не знает, какое именно направление будет перспективным. Попытка жестко защитить механизмы вчерашнего роста способна лишь усугубить проблемы, поскольку предпосылки для такого роста уже исчерпаны. Переход от одного порядка устройства жизни общества к другому часто связан с интересами и деятельностью вполне конкретных, четко очерченных общественных субъектов.

Поскольку в центре нашего внимания стоят проблемы исследования конфликтных особенностей преодоления кризисных явлений современной России, то в качестве основания вычленения модели (типа) конфликта, прежде всего, будут взяты те субъекты, деятельность которых оказывает значительное влияние на социально-политические процессы трансформации общества, а именно элиты, группы интересов и классово-структурированные субъекты.

В политической социологии было выработано несколько моделей конфликта [21, 24], и в наиболее общем виде они подразделяются на:

- **либеральную модель** (модель конфликта групп интересов), в рамках которой рассматривается возможность и реальность конфликтов между социальными группами (стратами), а также противопоставление групповых интересов государству и функции единой власти;
- **авторитарно-консервативную модель**, суть которой заключается в критике либеральной парламентской демократии и в противопоставлении руководящей элиты и масс, а также в разработке соответствующего способа разрешения конфликтов между правящей элитой и массами;

• **классовая модель**, которая от противопоставления государства и общества доходит до классового конфликта и ставит его в центр всей концепции общественно-го развития.

Основным содержанием *либеральной модели* является партийный плюрализм, основанный на групповых интересах, что рассматривается в западной политологии как основа демократии. По выражению С. Липсета, «*групповые конфликты есть жизнь и кровь демократии*», постоянно создавая вместе с тем угрозу дезинтеграции общества, группового корпоративного эгоизма [11, с. 214].

Модель конфликта групп интересов важна для анализа процессов взаимодействия государства и гражданского общества, поскольку последнее представляет собой сферу плюрализма интересов, которая выстраивает особые каналы представительства интересов как в системе государственного управления, так и в политической системе в целом. Либеральная модель сильна техникой разрешения конфликтов – стратегиями переговоров с привлечением посредников, исследованием проблем консенсуса.

Авторитарно-консервативная модель анализирует конфликт между *правлящей элитой и массами*. В западной политологической литературе довольно подробно разработано положение о том, что правление элиты, ее руководящее предназначение стало закономерным явлением, в первую очередь, в обществах, характеризующихся *запаздывающим типом* развития. В рамках властвующей элиты социально-политические конфликты предстают в виде борьбы ее членов и группировок за участие в принятии управленческих решений. Чем больше объем решений контролируется данной группировкой или ее отдельными представителями, тем выше их статус в обществе, а, следовательно, и выше возможность оказывать влияние на общности и все общество в целом.

Основное содержание *классовой модели конфликтов* – в конфликтах между классами, точнее – между антагонистическими классами (К. Маркс). Вся история в этой парадигме трактуется через призму классовой борьбы. С переосмыслением и коренным пересмотром понятия классового конфликта связаны работы Р. Дарендорфа [20]. Новые формулировки классового конфликта, предложенные им, отражают, прежде всего, переход от «классовой борьбы» XIX в., угрожающей социальной системе, к институционализированному и методически регулируемому «индустриальному конфликту» XX в. По-новому рассмотрев проблему классового конфликта, Р. Дарендорф фактически включил концепцию классового конфликта в либеральную модель конфликта. *В таком пересечении и взаимодополняемости различных моделей конфликта видится перспектива дальнейшего теоретического осмысления феномена современной социально-политической жизни.*

Клаус фон Байме, обосновывая необходимость выделения данных моделей конфликта, замечает, что «таксономические усилия некоторых социологов конфликта приводят к обширным классификациям конфликтных уровней и носителей конфликтных интересов – от отдельных индивидов до альянсов государств... Но только три понятия – классы, группы и элиты – становятся, как правило, исходным пунктом для теории применительно ко всей политической системе в целом» [2, с. 166].

Кратко представим содержательные характеристики предложенных моделей конфликта.

Как свидетельствует кризисная реальность современной России, сегодня многие противоречивые явления российского общества связаны с процессами имущественного расслоения, чрезмерной классовой дифференциацией. Социальная напряженность порождается социальной поляризацией. В этой связи особо встает проблема класса как субъекта социальных процессов и классовой модели социального конфликта.

Обобщая существующие в западной социологии подходы к определению понятия «класс», следует отметить, что оно широко используется при построении различных моделей *вертикальной стратификации общества*. Конкретными индикаторами классовой принадлежности являются профессия, образование, доход, властные полномочия, социальный престиж, но акцент все-таки делается, по крайней мере, авторами таких обобщающих трудов, каковыми являются Дж. Тернер, Н. Смелзер,

Э. Гидденс, на имущественных отношениях, владении собственностью. «Владение состоянием, особенно капиталом, – пишет Э. Гидденс, – главное различие в классовой системе» [5, с. 214–226]. В подтверждение этого тезиса он приводит следующие данные. В Великобритании 1 % «верхушки» владеет 21 % объема всех личных состояний. Только третьей частью национального богатства распоряжаются 80 % населения. Хотя в большинстве западных стран, включая Великобританию, продолжает Э. Гидденс, состояние и доход распределяются сейчас более равномерно, чем 50 и более лет назад [5, с. 120].

Нивелирование классового общества в 50-е гг. XX в. стало общим местом популярной социологической литературы на Западе. Отсюда и соответствующее снижение интереса к модели классового конфликта. В то время как теория накопления для обществ «позднего капитализма» (термин неомарксистов) еще в известной степени применима, то теория обнищания или краха не верифицируется больше в ходе общественного развития. Ю. Хабермас в своей работе «Протестные движения и реформа высшей школы» из этого заключил, что существующая противоположность социально-экономических классов сегодня не может развернуться в классовый конфликт по той причине, что этому служит организация государственной системы экономической стабилизации. «Угрожающий системе классовый конфликт... с большой степенью вероятности остается латентным» [2, с. 175].

Вместе с тем западные исследователи отмечают основную плодотворность классовой модели конфликта – «*в нем есть очень ценный поиск доминантного размежевания*» [2, с. 173], который, наряду с целым рядом субординированных размежеваний, выделяется как доминирующий.

Классовая модель конфликта сегодня модифицируется с учетом реалий постиндустриального общества. В этой теории вертикальная классовая схема заменена горизонтальной схемой диспаритета жизненных сфер, а господствующие слои не мыслятся больше как однозначно присутствующие во всех позднекапиталистических обществах. «Таким образом, возможно функциональное разделение труда при координировании конфликтных теорий, и классовый анализ может работать рука об руку с исследователями групп и элит. Главное – это то, что классы до сих пор менее всего исследовались средствами эмпирической техники, гораздо менее, чем группы и элиты, которые лучше поддаются разграничению и лучше структурированы, чем такая общая категория, как класс» [2, с. 180].

Однако теория классового конфликта не теряет актуальности для трансформирующихся обществ, в том числе российского. Ведь в процессе становления рыночной экономики социальная дифференциация неизбежна. Сама по себе она более приемлема и полезна для нормального функционирования и развития общества, чем наличие однородной социальной массы. Отдельные группы, отстаивая свои собственные интересы, в большей мере выражают и реализуют интересы всего общества, чем выходящий над единым и монолитным народом и навязывающий ему свою руководящую волю круг избранных лиц. *Весь вопрос – в пределах допустимых социальных различий, курсе на согласование интересов, без которых начинаются деструктивные конфликтные процессы.*

Таким образом, современное постиндустриальное общество подвело исследователей к мысли, что современные социальные конфликты лишь в малой степени могут трактоваться как классовые. *Изучение союзов и объединений показало многослойность конфликтов.* «Поэтому и обществоведы-марксисты увидели, что классовый анализ должен быть дополнен детализированным анализом союзов и групп. Даже западные исследователи не едины в вопросе о том, в какой мере в основе групповых столкновений в современной плюралистической демократии лежат классовые конфликты. Выражение классового сознания низших слоев почти всегда обратно пропорционально шансам восходящей социальной мобильности» [2, с. 178].

Нарастание фрагментации и универсализации как основных свойств новой социальности середины XX в. существенно деформируют общественные (в частности, политические) системы. Некогда могучие идеологии, партии и профсоюзы, интегри-

рующие большие сегменты общества, теряют свое прежнее значение, дробятся, начинают играть новые роли. И современные социологические исследования пополняются все новыми фактами, в которых акцент переносится уже не на классы, а на *группы* и *интересы*; именно они провозглашаются тем активным, преобразующим началом, которое движет вперед человеческую историю, трансформирует общественные системы, развивает их. Хотя основы теории «групп интересов» заложены еще в Новое время. С понятийным разграничением государственного и общественного начала *интерес* как основа общественной жизни приобрел позитивное значение. Государство же, напротив, стало восприниматься как воплощение стремления к единству, которое собирает и удерживает вместе дезинтегрированное общественное многообразие. Г. Гегель почти идентифицировал интерес с борьбой, поскольку «интерес наличествует лишь там и тогда, где и когда имеется противоположность» [4, с. 248].

С вступлением общества на стадию постмодерна групповая самоидентификация индивидов приобретает мозаичный характер, обусловленный выдвижением на первый план множества самых разных критериев. «Народ» и «класс» уступают место представлению о совокупности граждан и социальных групп, чьи права должны быть соблюдены в партнерских взаимоотношениях с другими социальными группами и гражданами, а не в конфликтном противостоянии. Отсюда и в теории общественного развития происходит смещение акцента с унифицированного регулирования жизни общества на основе систематически определяемой воли господствующего класса большинства к анализу особенностей жизнедеятельности и взаимодействия различных социальных групп. «Место политических партий занимают специфические интересы и образующиеся вокруг них социальные движения; индивиды не «принадлежат» какой-то одной группе, но меняют свою «принадлежность» в зависимости от того, насколько важной оказывается для них та или иная проблема в то или иное время», – подчеркивает Р. Дарендорф [7, с. 68]. Классовые модели конфликта все более начинают искать плодотворного союза с групповыми теориями конфликта, поскольку дихотомичное мышление утратило свое однозначное положение в связи с приоритетами социальной мобильности и формированием группового сознания. Выделенные Р. Мертоном в 1957 г. пять типов социального поведения (конформизм, инновация, ритуализм, ретриатизм, мятеж) как ответ на социальное положение действуют преимущественно как индивидуальное поведение, не позволяющее делать никаких обобщающих выводов о классовых действиях, хотя в экстремальных случаях весь социальный слой может принять один из пяти образцов поведения. Классовые теории, по мысли польского социолога С. Оссовского, все больше переходят к простым *градационным схемам*, в которых все меньше подчеркивается константность классового положения, но больше принимается во внимание социальная мобильность.

По мысли Клауса фон Бейме, дескриптивная ценность групповой теории остается высокой вплоть до сегодняшнего дня [2, с. 170].

Групповой подход развивался как конфликтная теория. Артур Бенгли под влиянием немецких социологов таких, как Ратценхофер, Гумплович и Зиммель, в своей работе «Процесс управления» представил теорию политики как групповую борьбу. Его определение звучит следующим образом: «Управление есть процесс приспособления многих групп интересов в определенной, различающейся внутри себя группе или системе». Именно концепт группы позволил А. Бенгли истолковать по-новому не только политический, но и весь общественный процесс. Он считал, что общественная структура не есть какая-то жесткая, застывшая конструкция, сохраняющая свою конфигурацию благодаря силе или общественному договору; что это процесс, в котором главную роль играют не просто индивиды, а группы интересов. *В свою очередь, государственные институты, согласно А. Бенгли, являются выразителями баланса интересов различных групп, пронизывающих общество сверху донизу.* Как только в обществе, по мере его развития, происходят какие-то изменения, меняется и структура баланса интересов. И, наоборот, сами интересы, модифицируясь, неизбежно затрагивают общественную систему, вызывают определенные изменения.

Вместе с тем теория А. Бенгли имеет и целый ряд слабых мест. Одно из них свя-

зано с утверждением, что у государства нет собственных функций, оно лишь выступает в роли посредника в борьбе групп. Именно политико-государственная история континентальных стран с бюрократическими авторитарными традициями урегулирования конфликтов позволила разоблачить иллюзию нейтральности государственного аппарата. Самостоятельность бюрократического аппарата сильно недооценивалась, особенно в области управления, где существовали внутренние отношения патронов и клиентелы.

Концепция А. Бентли больше всего оказалась применимой к Америке, где радикальные движения и маргинальные группы сравнительно быстро оказались интегрированными в систему. Теоретико-методологический инструментарий А. Бентли как нельзя лучше оказался связанным с американским прагматизмом и с большими возможностями горизонтальной и вертикальной мобильности в обществе.

Ученик А. Бентли Дэвид Трумен в своей работе «Управленческий процесс. Политические интересы и общественное мнение» (1951 г.) [23] во многом развил идеи своего учителя, хотя он не стремился создавать общую политическую теорию и был более конкретен в определении групп интересов. Под ней он понимает любую группу, имеющую один или несколько общих интересов и выдвигающую ряд требований к другим группам для установления, поддержания или укрепления норм поведения, которые определяются общностью взглядов данной группы. По мнению исследователя, группа интересов часто переходит в некое новое состояние, приобретает некоторые специфические свойства, если в своем стремлении достичь цели начинает действовать через правительственные институты. Такие группы Д. Трумэн для облегчения анализа называл политическими [23, р. 33–37], хотя речь шла о группах давления. Группа давления – иная, дополнительный вариант групп интересов, который можно определить как группу интересов, оказывающую давление на властные структуры.

Государство Д. Трумэн рассматривал как институт общества, через который осуществляется большая часть властного распределения ресурсов. Поэтому группы, конкурирующие между собой, ищут доступ к этому ключевому центру принятия политических решений в стремлении добиться от него благоприятного для себя распределения ресурса. Такая *групповая конкуренция*, несмотря на всю ее остроту, в конечном счете не нарушала равновесия и даже способствовала поддержанию стабильности существующей политической системы. Залог стабильности Д. Трумэн видел во множественности групп, действующих в обществе, в том, что граждане, как правило, состояли одновременно членами нескольких, часто конкурирующих между собой групп. В результате ни одна из групп не была в состоянии полностью подчинить своим интересам государственную политику. Все это, по мнению ученого, и создавало ту стабильность, в которой нуждалась любая общественная и политическая система [23, р. 43].

В 1970-е гг. модели множества конкурирующих групп стала противостоять модель неокорпоративизма с тремя четко очерченными акторами – государством, предпринимательскими союзами и профсоюзами, которым приписывалась выдающаяся роль в урегулировании общественных конфликтов (особенно в Скандинавии, где вообще заговорили о «свободном корпоративизме») [2, с. 171]. Клаус фон Байме справедливо указывает, что корпоративисты и «плюралисты» выросли из одного корня – теории групп интересов, у них много общего. Но они различаются в отношении роли государства. Группы интересов имеют в корпоративной модели не только влияние на политические решения государства, но и в формулировании, разработке и имплементации государственных решений и законодательных проектов во всех фазах процесса принятия решения.

В начале 1980-х гг. не было ни одной значительной книги, которая не апеллировала бы к понятию «неокорпоративизм», но уже во второй половине 1980-х гг. оно выходит из моды. Неоконсервативные тенденции во многих странах покончили с социал-демократическим «основным консенсусом», в основе которого лежало эффективное управление через неокорпоративизм. Теории общественного самоуправления плохо связывались с некоторыми ключевыми подходами неокорпоративной модели. Она все больше стала эволюционировать в сторону бюрократизации и уси-

ления иерархических начал. Новые групповые субъекты общественных процессов не вписывались в такую схему взаимоотношений и открыто противостояли ей [16, с. 95–109]. Как правило, корпоративистская литература включает в рассмотрение наиболее влиятельные группы – бизнес и труд, и в этом смысле оставляет в тени *множество других участников политического процесса, которые сегодня противопоставляют корпоративизму в политике и хотят строить свои отношения с государством, не руководствуясь иерархическими отношениями.*

Таким образом, плюралистические и корпоративистские модели представительства все большее место вынуждены уступать моделям «политических сетей», общее кредо которых состоит в том, что они, в противоположность плюрализму и корпоративизму, «способны лучше схватить сложность и текучесть современного процесса принятия политических решений и формирования политики. Политическая сеть предстает в качестве аналитического инструмента анализа неустойчивости и открытости взаимодействия множества политических акторов, объединенных общим интересом, взаимозависимостью, добровольным сотрудничеством и равноправием. Важно отметить, что концепция политических сетей – будь то в версии англосаксонской или германской школ – модифицирует понимание властно централизованной политики в направлении политики *взаимной ответственности и обязательств* (выделено нами – Л. Н.)» [16, с. 99].

Использование модели конфликта групп весьма актуально для анализа процессов трансформации российского общества в целом. Степень «укорененности» этой модели могла бы свидетельствовать о глубине демократизации российского общества, о значимости горизонтальных связей и солидарностей и, наконец, об укреплении позиций гражданского общества в его взаимодействии с государством. Социальная дифференциация современного общества в России развивается в направлении большего разнообразия социальных субъектов, которые в новой общественно-политической обстановке обретают свою идентичность и влияют на трансформационные процессы. Формирование новой социальной структуры идет, как думалось, не путем замещения старой на новую, а путем наложения одной на другую, что порождает мозаичность и фрагментарность социальных практик взаимодействующих субъектов. При этом и в современном российском обществе пробивает себе дорогу глобальная тенденция, заключающаяся в нарастании активного взаимодействия между безличными структурами и лично окрашенными практиками действующих субъектов – различных групп интересов. Насколько нынешняя общественная ситуация заставляет отказаться от представления о существовании какой-то «единой воли народа» и признать возможность мирного состязательного согласования многообразных интересов людей на групповой основе? Исследование этого вопроса выдвигает на передний план проблему формирования и укрепления гражданского общества как гаранта и залога необратимости общественных преобразований, движения общества на пути к правовому государству и цивилизованному рынку. Групповая модель конфликта плодотворнее для анализа оснований и механизмов взаимодействия гражданского общества и государства, характер которого во многом предопределяет глубину и направленность процессов трансформации российского социума.

Отсюда встают правомерные вопросы: способна ли основная часть населения к самоорганизации во имя собственных интересов? Какие виды групп интересов уже возникли не только в элитарной, но и в массовой частях российского общества? Какую роль играют ценности в возникновении и выживании групп интересов?

Отчасти эти проблемы находят свое разрешение в исследованиях Д. Островского. Исследователь подчеркивает негативные последствия сведения социальной структуры лишь к классовым образованиям, что не позволяет выделить и идентифицировать носителей интересов. Именно поэтому необходимо обращение к проблеме группового социального взаимодействия: «...социальная структура российского общества все больше характеризуется формированием и обособлением, вплоть до противостояния, различных больших и малых групп, групповых интересов» [13, с. 33]. Процесс социально-группового обособления пронизывает все социальные классы.

По мысли Д. Островского, в России группы интересов изначально формировались и, к сожалению, во многом продолжают формироваться как элементы партийной и государственной структур, и их соперничество идет не вовне, а внутри государственных органов управления. Иными словами, российские группы интересов не создают баланса противоположных интересов, а действуют в условиях фактического «вхождения» представителей групповых интересов в состав органов законодательной и исполнительной власти, когда «победа» одной из групп приводит к большим экономическим и политическим издержкам при реализации данных узкогрупповых интересов.

Закрытый характер борьбы групповых интересов в российском обществе лишь обостряет возникающие противоречия и нейтрализует возможности реализации интересов различных общественных слоев. Уже первый опыт соперничества носителей групповых интересов в постсоветском обществе показал необходимость их свободного взаимодействия. Только при соблюдении этого условия группы могут выполнять свои непосредственные функции – представлять и защищать интересы различных слоев общества, служить в качестве «предохранительного клапана» и этим придать обществу стабильность. Вне соблюдения этих условий будет формироваться уродливая форма лоббирования как способа продвижения интересов социальных групп во власть. Часто эти интересы носят эгоистический характер, не отвечающий общественным интересам. Эта задача облегчается большим присутствием определенных групп интересов во власти. Таким образом, происходит слияние концепта групп интересов с *элитистскими* представлениями о социальном субъекте. Д. Островский показал, что групповая модель либо «растворяется» в пределах классовой модели, в ее градуалистской версии, либо конкретизирует диверсификацию элитистских моделей, но в самостоятельном виде пока слабо проявляется как механизм функционирования демократического общества.

Корпоративизм в российских условиях не выступает формой достижения политического согласия в обществе, вписывающегося в более широкий демократический дискурс многообразных групповых интересов и взглядов. Именно поэтому реализация полноценной версии групповой модели конфликта оказалась «зажата» в рамки бюрократически-корпоративного элитизма, который закрепил внутреннюю неравноправность и разорванность российского общественно-политического поля. *Процесс формирования групп интересов в российской социально-политическом пространстве еще далеко не завершен и остается открытым, и само государство не отличается зрелостью взаимодействия с многочисленными группами. Следовательно, как сами эти группы интересов, так и сами институты государства еще не достигли определенной зрелости для ведения конструктивного диалога.*

Другой серьезной проблемой является неравномерное участие групп интересов в системе представительства. Политический вес различных категорий заинтересованных групп смещен в пользу олигархических группировок большого бизнеса и региональных групп, тогда как влияние структур, представляющих другие интересы, несопоставимо меньше. Данную проблему поэтому можно переформулировать шире – как проблему становления гражданского общества, его сформированности и консолидированности во взаимодействии с государством, с властью вообще.

Вышеизложенное неминуемо приводит к утверждению существования *элитных групп*, а, следовательно, и необходимости рассмотрения *элиты* как действующего субъекта в пространстве трансформации и социальных изменений.

Согласно исследователям теории элит, именно действия элитных групп в условиях трансформации и неопределенности еще в большей мере, чем в иной ситуации, определяют всю траекторию общественного развития (при отсутствии сложившихся массовых социальных слоев со своими осознанными социальными интересами). Состояние элит представляет собой один из важнейших показателей состояния общества и его перспектив. Сказывается и проявляющаяся в течение столетий российская специфика, заключающаяся в том, что в нашей стране состояние, интересы и действия, прежде всего, элитных слоев, правящих групп и их оппонентов во многом определяли драматические моменты российской истории, расколы и социальные катастрофы.

До XIX в. понятие элита в общественных науках не использовалось широко. Только на рубеже XXI–XX вв. В. Парето, Г. Моске, Р. Михельсу удалось более предметно и конкретно сформулировать научно-философскую концепцию элиты, которая выступает важным пунктом социально-политических исследований общества [12, 14, 22]. Дихотомичные конфликтные теории элит находятся в более осознанной конфронтации с Марксовым классовым учением. Представляется отнюдь не случайным, что первая элитистская концепция появилась в Италии, историческое развитие которой было исключительно неравномерным, а парламентская форма правления встречала серьезные трудности. Теория элит возникла из скепсиса разочарованных либералов (Г. Моска) и стала важной объяснительной схемой для правых политических групп.

В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс представляют макиавеллистское направление в элитологии. Все социальные процессы объяснялись из разделения на элиты и не-элиты. Цель каждой элиты – сохранение собственной власти; господство элиты опирается на власть и обмен, рациональные и логические действия в политической жизни играют подчиненную роль.

В основе всех современных теорий элит лежит представление о вездесущности господства. Примат политического над экономическими и социальными детерминантами эксплицитно подразумевается большинством идеологических теорий элит.

Теории элит в социальных науках Новейшего времени были отказом как от историзма XIX в., так и от дихотомической модели двух классов в марксизме. Тезис В. Парето о том, что «история есть кладбище аристократий», является прямой антитезой к «Манифесту коммунистической партии», а именно к его тезису о том, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Школа Г. Моске и В. Парето искала объяснительную модель социальных изменений, которые могли служить для всех, включая социалистическое, обществ, тогда как, согласно учению К. Маркса, классовая борьба при переходе от социализма к коммунизму должна исчезнуть. Согласно Г. Моске, теория «политического класса» может быть применима и к коммунистическому обществу, как и к любой другой системе господства.

Таким образом, теория элит возникла из кризиса предшествующих классификаций государственных форм, предлагавшихся государственно-правовыми и политико-правовыми учениями. *Способ, которым правит организованное меньшинство, казался более важным, чем формальные конституции.* Недаром проблематика элиты дискутировалась, прежде всего, в тех странах, где демократические традиции были самыми слабыми – в Германии и Италии. В. Парето по-настоящему открыли в Америке лишь после Второй мировой войны.

Главное различие в подходе к исследованию организованного меньшинства, заложено В. Парето и Г. Моска, лежит в уровне подхода: некоторые теории элит исходили больше из социально-структурного понятия, ставившего вопрос о том, что *есть* элита. Другие больше интересовались поисками единства, направленного на *политическое действие*. Термин «политический класс» был больше направлен на вопрос *что делает* элита? Бихевиористские ответы на этот вопрос, полученные позже в Америке, сводились к «руководству», «лидерству», чтобы показать ориентированность на действие [2, с. 182–183].

Поискам организованного меньшинства как простой группы противостоял поиск меньшинства, организованного в институты. Г. Моске и В. Парето уделили мало внимания партийной организации. У М. Острогорского и М. Вебера в центр внимания выдвинулось внутреннее ядро партийной организации, названное на американский манер «кокусом». М. Вебер использовал также понятие «слой профессиональных политиков». Не употребляя понятия «элита», он еще до теоретиков элит пришел к выводу, что бюрократизация охватывает как хозяйственную, так и политическую системы.

Р. Михельс заимствовал эту идею у М. Вебера. У него организованное меньшинство идентифицировалось с партийными чиновниками. Но партийные исследования позже показали, что партийные бюрократы ни в коем случае не замыкают вершину властной пирамиды.

Начало современных эмпирических исследований элит было положено Г. Лас-

суэлом, который в 1950-е гг. предложил программу исследования революций и элит мирового революционного движения. Сильнее всего характер элитарных теорий выявляют циркуляционные модели, претендующие на предикативную силу.

Единой теории элит и единого понимания термина «элита» в общественных науках не существует, можно лишь утверждать, что практически все исследователи сходятся только в одном – в постулировании объективной реальности элитных слоев и необходимости их изучения для понимания процессов социальной динамики общества. Во всех других аспектах между ними больше разногласий, чем единства. Поэтому нам представляется продуктивным следующее определение: элита – это не просто те, кто обладает богатством, аристократическим происхождением или потенциалом власти, а являются действующими субъектами, оказывающими прямое или косвенное влияние на принятие важнейших решений, за счет чего они и занимают соответствующее положение в обществе. Данное определение предполагает соединение институциональных и поведенческих (субъектных) направлений в изучении элиты [1, с. 116–119].

Немало сложностей вызывает анализ элит как субъектов процессов трансформации в России у отечественных исследователей. До сих пор не сложилось единого представления ни о самой структуре элит современного периода, ни о мерах и формах ее влияния на общественные изменения. Так, по мнению Д.В. Бадовского, в России произошла трансформация старой номенклатуры в новую российскую посттоталитарную элиту. О. Крыштановская в своих исследованиях показывает, что некогда монолитная советская элита в процессе трансформации разделилась на два больших отряда – элиту политическую и экономическую. Если принадлежность к первой по-прежнему определяется должностью, статусом в политическом истеблишменте, то вторую составляют люди, чье влияние основывалось на контроле над капиталом. Иначе говоря, новая российская элита стала «двугорбой». С приходом к власти Б. Ельцина начался этап цементирования новой элиты, и хотя приток новых людей наверх продолжался, все же можно утверждать, что революционный период трансформации элиты закончился. Ельцинское руководство предприняло шаги по «закрытию» элиты. Циркуляция кадров теперь такова: на самом вершине пирамиды находятся высшие руководители, которые на виражах политического процесса скатываются вниз. На их место поднимаются второй, потом третий слои старой номенклатуры. В отличие от советских времен уход с вершины власти теперь не означает политической смерти. Бывшее первое лицо довольно быстро встраивается в новую структуру с потерей двух–трех рангов.

Таким образом, О. Крыштановская четко выделяет в новой российской элите три слоя: сверху – политики, разделенные на борющихся за власть группировки; далее – предприниматели, финансирующие избирательные компании, лоббистские структуры; внизу – маленькие армии, «частные силовые структуры» исполняющие не только функции обеспечения безопасности, но и функции немого давления силы [8, с. 51–60; 9, с. 17–28; 10].

Интересна исследовательская позиция Юрия Коргунока, рассматривающего природу элит с точки зрения социальной основы ее происхождения и функционирования. Он констатирует, что новая российская элита – это самостоятельная социальная группа, имеющая собственный корпоративный интерес и собственное корпоративное сознание. Рациональное зерно элитистских концепций, по мнению автора, заключается в том, что даже когда внутри социума исчезают сословные и прочие перегородки, *политическая элита не растворяется в окружающем обществе и что воздействие общественных процессов на изменения внутри политической элиты не носит линейного характера, поскольку ее внутренняя стратификация совпадает со стратификацией общества в целом лишь частично* [15].

Невозможно не упомянуть в контексте исследования соотношения дихотомии «элита – общество» достаточно системно и обстоятельно развитую теорию элитогенеза О. Гаман-Глутвиной, проследившей развитие элит в России на протяжении многих веков отечественной истории [3]. Автор выделяет в качестве основной особенности элит в различные периоды российской истории их тесную взаимосвязь с государ-

ством. Это подчеркивание государственнического характера российских элит связывается с общим рамочным подходом, анализирующим мобилизационную модель развития России как основное объяснение процесса преемственности элит, которые наследуют традиции автократии, этатизма и коллективизма.

В качестве важнейшего фактора, определяющего специфику субъектного поля политики, автор считает *взаимосвязь моделей рекрутирования элит и типов развития социума*. Тип развития российского социума существенно отличается от западного: если в новое время в Западной Европе и США сложился *инновационный тип развития* (в системе факторов которого доминирующее значение имеют экономические факторы; экономические интересы хозяйственных субъектов совпадают с интересами государства, а роль импульсов развития выполняют внутренние экономические потребности), то инструментом развития российского общества и государства на протяжении значительных периодов истории выступала *мобилизационная модель развития* (для которой характерны приоритет политических факторов в системе факторов развития; внешний характер импульсов развития; форсированный характер модернизаций и, как следствие, – преобладание жестких, авторитарных и тоталитарных политических систем и режимов). В определенном смысле можно сказать, что инновационный тип развития – это модель экономика-центричного общества, тогда как мобилизационное развитие – это политико-центричная модель.

Для понимания характера организации российской элиты важнейшее значение имеет тот факт, что в условиях мобилизационного развития приоритетное значение в системе факторов развития имеют политические факторы, а политические формы мобилизационного типа развития характеризуются отсутствием или неэффективностью механизмов воздействия гражданского общества на государство. Это означает, что политическая элита формируется в лоне государственных структур, и это предопределяет тот факт, что *состав политической элиты во многом совпадает с высшим эшелон административно-политической бюрократии*. Эти же факторы обуславливают преимущественно монолитный характер организации политической элиты в подобной системе власти: монополия государства на политическое управление предопределяет относительно гомогенную структуру правящего класса.

Принципиальным для характеристики российской элиты является характер государства, которое представляет собой разновидность *служилого государства* (системообразующим основанием которого является принцип всеобщности обязанностей перед государством). Отсюда доминирующим принципом элитного рекрутирования является «служебный принцип»: властную элиту составляют преимущественно высший эшелон бюрократии, формирующийся по принципу «*привилегии – за службу*».

Однако в ходе реформ 1990-х гг. наблюдался отказ от мобилизационных методов управления, который сопровождался трансформацией бюрократической модели политической элиты в олигархическую: государство постепенно превращалось в сообщество самодостаточных политико-финансовых кланов, претендующих на принятие ключевых политических решений (самодостаточных в феодальном смысле: политико-финансовые кланы обладают собственным финансово-промышленным потенциалом; собственными службами безопасности; своими креатурами в органах власти различного уровня, силовых и правоохранительных структурах; располагают собственными информационно-аналитическими империями; связаны с определенными регионами и отраслями; опираются на определенные сегменты оппозиции; вписывают свою активность в определенный геополитический контур и пр.).

Осуществление столь серьезной трансформации в исторически короткий период свидетельствует о том, что в этот срок произошло скорее оформление происходивших ранее глубоких тектонических изменений, имевших латентный характер.

Важнейшей особенностью новой российской модели элитообразования является, по мнению исследователя, и с этим трудно не согласиться, «*растворение интересов государства в партикулярных интересах и высокая степень «приватизации» институтов государства и гражданского общества кланово-корпоративными структурами, претендующими на замещение государства и выполнение его функций*».

Подобная система отношений государства с кланово-корпоративными структурами существенно отлична от современного западного стандарта и дает основания диагностировать наличие элементов деформации по сравнению со взятой за образец западной моделью. В качестве элемента деформации можно констатировать тенденцию квази-феодализации модели элитообразования, о чем свидетельствует высокая степень самодостаточности корпоративных структур и приватизация ими прерогатив публичной власти. Таким образом, в России в 1990-х гг. произошла реконструкция европейской модели элитообразования феодального, а не современного Запада, так как для современного Запада характерно сохранение автономности государства по отношению к кланово-корпоративным структурам.

Олигархический характер системы элитообразования есть наглядный признак произошедшей в ходе реформ 1990-х гг. существенной трансформации образования элитных групп: источником политического влияния стала собственность, прежде всего, собственность на институты государства и гражданского общества.

Таким образом, можно сделать выводы. Авторитетная, влиятельная, эффективная элита как социальный субъект – необходимый элемент структуры цивилизованного общества. Без нее нельзя рассчитывать на позитивный результат проводимых кардинальных перемен. В то же время отечественные исследователи теории элит отмечают, что нынешний правящий элитарный слой России характеризуется дезинтегрированностью и внутренней конфликтностью. По свидетельству Л. Гудкова и Б. Дубина, «у элиты, несмотря на ее видимую консолидацию вокруг Путина, нет ни согласия в отношении будущего, ни предпочтительных политических целей» [6]. Столь же заметным конформизмом отличается и региональная политическая элита. По мнению А. Чириковой, модернизационный прорыв в регионах может быть осуществлен только по приказу «сверху». «Зависимость регионального развития от приказов из Кремля увеличивается, а, следовательно, опора на собственные ресурсы становится все менее выгодной для местных элит. В лучших лидерах в невидимом рейтинге оказываются те, кому удастся привлечь наибольшее количество средств из Центра, а не те, кто их наилучшим образом зарабатывает» [19, с. 112].

Общая основа, которая связывает воедино различные группировки элит, крайне слаба и, более того, между ними идет постоянная борьба за единоличное господство и вытеснение противника из верхних эшелонов вообще. Эта борьба подчиняет себе общественные функции и цели государственной власти, обеспечивает политические ориентации группировок, которые входят в правящую элиту. Их трансформация, неожиданные союзы, «измены» и предательства, отколы и расколы, «переодевание» в левых и правых, либералов и коммунистов и т.д. – все это свидетельствует о том, что большинство нынешних лидеров находится в поиске собственного политического и идеологического «Я». Одна из важнейших причин слабости политической элиты – отсутствие у большинства составляющих ее групп широкой социально-политической опоры. Поэтому нынешняя элита так самоотверженно конструирует «массовые» политические партии, которые хоть в какой-то степени «заместили» бы образовавшийся вакуум общественной поддержки.

Для формирующегося демократического общества первостепенную значимость имеет не борьба с элитарностью, а решение проблемы рекрутирования наиболее квалифицированной, результативной и полезной для общества политической элиты, своевременного ее качественного обновления, предотвращения отчуждения от народа, а не превращения в замкнутую господствующую привилегированную касту. И здесь надо многое менять. Но клановые интересы, колоссальная коррупция, кадровый застой не способствуют назревшим переменам. Иными словами, речь идет о необходимости создания соответствующих институтов, которые обеспечивали бы эффективность политической элиты и ее подконтрольность обществу. И одним из важнейших таких институтов выступает гражданское общество.

Динамическое становление демократической элиты в оптимальном режиме в условиях современной России возможно лишь в русле общественного примирения, консенсуса социальных сил, достижения согласия и сотрудничества всех ветвей вла-

сти. Однако ситуация усугубляется тем, что мы сегодня получили дополнительные линии напряжения в пространстве элиты, связанные, прежде всего, с существующим на данный момент феноменом дуумвирата – политического правления двух лидеров, – В. Путина и Д. Медведева, команды которых находятся по определению в амбивалентном положении. «Путин и Медведев – друзья, но они попали в ситуацию, объективно неудобную, болезненную и конфликтогенную. Это ситуация, при которой каждый из них не может свободно пошевелиться, ибо вокруг них люди, которые с замиранием сердца ловят любой сигнал, говорящий о реальных или мнимых разногласиях правителей, и любое неодобрение партнера по тандему чревато очень болезненным конфликтом с неопределенным исходом и общей дестабилизацией, которой они боятся» [18, с. 7]. Так, в последнее время Д. Медведев и его советники (например, А. Дворкович) выражают резкое недовольство бюрократизмом в работе правительства, что косвенным образом наносит урон и репутации его председателя.

Таким образом, суммируя, можно отметить, что реконструкция субъектов общественно-политических преобразований, особенно на макроуровне, сама по себе является теоретико-методологической задачей, требующей тщательного сопоставления теоретических конструктов с динамикой реальных социальных процессов.

Россия сейчас переживает стремительную социальную поляризацию, ведущую к вырыванию классического классового конфликта в Марксовом варианте (о напряженном проявлении конфликта труда и наемного капитала не перестают говорить сегодня все СМИ) [17]. Прimitивная дифференциация населения, при которой большинство принадлежит к низшему нищему слою, препятствует процессам формирования групповых интересов и консолидации их в различные политические институты и общности для реализации этих интересов. Для успешного развития процессов гражданской самоорганизации в обществе должен существовать довольно широкий и стабильный средний класс. Однако, как показал опыт последнего десятилетия, российский вариант либеральной модернизации способствует зарождению и укреплению бюрократического капитала как основной формы коммерциализации отечественной экономики. При этом интересы «верхов», элит осознаны и представлены в гораздо большей степени, чем интересы основной массы населения. Кроме того, интересы «низов» имеют тенденцию восприниматься в патерналистском духе как продолжение интересов тех или иных элитных групп. Вертикальная организация общества все еще преобладает над горизонтальной – вне иерархических связей оно по-прежнему аморфно. *Соревновательность разнонаправленных групповых интересов работает пока еще слабо, нарастание вертикального неравенства приводит к «растворению» групповых интересов в элитистских моделях конфликта, либо – в классовых.* Правящий класс в целом сохранил свои позиции, устранив лишь верхний эшелон старой политической системы. Незавершенная демократизация породила некий гибрид, соединивший черты демократии и авторитаризма, называемый политологами «делегативной демократией» (Г. О’Доннелл), «плебисцитарной демократией» (Ю.А. Красин, А.А. Галкин, Э.Н. Ожиганов).

В России, как было показано, пока преобладающими моделями конфликта являются *классовая и элитистская*, что указывает на преобладание вертикальных связей, наличие высокой степени отчуждения населения от власти и центров принятия политических решений. Преобладание этих моделей также способствует сохранению значительного потенциала социальной и политической нестабильности, чреватой самыми неожиданными исходами.

Групповая модель конфликта, связанная с успешным развитием гражданского общества, плюрализмом групповых интересов, деловых и гражданских инициатив, пока только находится в процессе становления. Свидетельством этому является появление концепции межсекторного взаимодействия и партнерства, которая постепенно утверждается в нашей общественно-политической практике и общественной мысли, являющейся интегральной технологией баланса интересов различных социальных сил общества – государства, бизнеса и некоммерческого («третьего») сектора. На Западе эта концепция утвердилась после окончания неоконсервативных революций в

1970-х гг., что подтвердило факт усложнения и плюрализации социальной и политической структур западного общества. У нас только обозначен переход от традиционной модели партнерства, разрешающей классовый конфликт, к межсекторной. Но именно дальнейшее развитие этой модели может способствовать углублению демократизации российского общества, «декомпрессии» сложившегося при В. Путине политического режима, поскольку обществу необходимо вернуть веру в работоспособность политических механизмов воздействия на реальную власть, на процесс принятия социально-значимых решений. В условиях кризиса особенно возрастает потребность в разделении ответственности за свое будущее между обществом и властью. Большая гибкость и социальная эластичность создаваемой системы делает общественную среду менее напряженной, вовремя разряжает скопившуюся деструктивную энергию, канализирует недовольство. А самое главное – дает пробиться новым росткам и трендам.

Следовательно, развитие и утверждение групповой модели конфликта будет свидетельствовать об увеличении возможностей для проявления позитивно-функциональной роли социальной конфликтности, возрастании степени партнерства и диалога во взаимоотношениях различных социальных субъектов, взаимодействующих в публичной сфере, утверждении гибкости и адаптивности формирующейся социальной и политической системы, способной к динамическому обновлению в соответствии с вызовами современного меняющегося глобального мира.

Библиографический список

1. *Ашин, Г. К.* Курс элитологии [Текст] / Г. К. Ашин, Е. В. Охотский. – М., 1999.
2. *Байме, К. фон.* Модели конфликта [Текст] / К. фон Байме // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований. – Алматы, 2002. – Т. 1.
3. *Гаман-Голутвина, О. В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции [Текст] / О. В. Гаман-Голутвина. – М., 1998.
4. *Гегель, Г. В. Ф.* Философия права [Текст] / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1990.
5. *Гидденс, Э.* Стратификация и классовая структура [Текст] / Э. Гидденс // Социология. – М. : Эдиториал УРСС, 1999.
6. *Гудков, Л.* Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» [Текст] / Л. Гудков, Б. Дубин. – Pro et contra. – 2007. – № 3 (37).
7. *Дарендорф, Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы [Текст] / Р. Дарендорф // Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – М., 2002.
8. *Крыштановская, О. В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту [Текст] / О. В. Крыштановская // Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 51–60.
9. *Крыштановская, О. В.* Анатомия российской элиты [Текст] / О. В. Крыштановская. – М., 2005.
10. *Крыштановская, О. В.* Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 [Текст] / О. В. Крыштановская // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 17–28.
11. *Липсет, С.* Политическая социология [Текст] / С. Липсет // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М., 1972.
12. *Моске, Г.* Правящий класс [Текст] / Г. Моске // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – М., 1997. – Т. 2.
13. *Островский, Д. И.* Особенности формирования групповых интересов в современной России [Текст] / Д. И. Островский // Вестник МГУ. – 1998. – № 1. – (Политические науки).
14. *Парето, В.* Компендиум по общей социологии [Текст] / В. Парето // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – М., 1997. – Т. 2.
15. *Политическая элита* современной России с точки зрения социального представительства [Текст] // Полис. – 2001. – № 1–2.
16. *Сморгунов, Л. В.* Современная сравнительная политология [Текст] / Л. В. Сморгун // Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – М., 2002.
17. *Социальная стратификация российского общества* [Текст]. – М., 2003.
18. *Фурман, Д.* Политика сиамских близнецов (У нас не разделение властей и даже не двоевластие, а предельная скованность власти) [Текст] / Д. Фурман // Независимая газета. – 2009. – С. 7.
19. *Чирикова, А. Е.* Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен [Текст] / А. Е. Чирикова // Полис. – 2008. – № 6.

20. **Dahrendorf, R.** Class and Class Conflict in Industrial Society [Text] / R. Dahrendorf. – Stanford : Stanford University Press, 1959.
21. **Lipset, S. M.** Political Men: The social Bases of Politics [Text] / S. M. Lipset. – New York, 1960.
22. **Michels, R.** Political parties: A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy [Text] / R. Michels. – New York, 1968.
23. **Truman, D. B.** The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion [Text] / D. B. Truman. – New York, 1971.
24. **Von Beyme, K.** Die Konflikt Modelle [Text] / K. von Beyme // Die Politischen Theorien der Gegenwart: eine Einführung. – Opladen : Westdeutscher Verlag, GmbH, 1992.